

БРИТИЧЕСКИЯ ЗАМѢТКИ.

НОВЫЙ СБОРНИКЪ ПОВѢСТЕЙ И РАЗКАЗОВЪ Г. ЧЕХОВА.

Антонъ Чеховъ. Повѣсти и разказы. Спб.
Изд. Маркса, стр. 288.

I.

Въ своей характеристикѣ перваго выпуска повѣстей и разказовъ г. Чехова * мы, между прочимъ, сѣтовали на отсутствіе хронологическихъ помѣтокъ подъ отдѣльными номерами сборника и выражали надежду что это издательское упущеніе, при слѣдующихъ выпускахъ, будетъ устранено. Къ сожалѣнію, наша надежда не исполнилась: повѣсти и разказы и во второмъ томѣ появляются безъ хронологическихъ помѣтокъ...

Тѣмъ хуже, — и прежде всего для самого автора! Г. Чеховъ, такъ сказать, просится въ знаменитости и отчасти уже возмужаетъ въ это достоинство. А между тѣмъ и на этотъ второй томикъ его произведеній можно посмотреть мирнымъ взглядомъ являясь въ томъ предположеніи что въ это лишь пробы шаловливаго и еще не достигшаго литературнаго совершеннѣйшаго таланта. Но такъ ли это?

Предположимъ, за немнѣишемъ определенныхъ указаній въ изданіи, и на этотъ разъ что это такъ, и подождемъ еще до слѣдующаго выпуска, чтобы тогда уже, — опять въ предположеніи что мы имѣемъ дѣло съ совершеннолѣтнимъ г. Чеховымъ, — приложить къ нему болѣе строгія требованія и мѣрки. Теперь же постараемся спокойно выдѣлить все изъ чѣмъ, по нашему мнѣнію, видны нескромныя дарованія приходящаго къ сознанию самого себя; ибо если г.

* *Московскія Ведомости*, № 36—«Безобидный юморъ».

Чеховъ есть действительно «блестящій талантъ», какъ его иногда называютъ, то онъ, конечно, требуетъ къ себѣ вниманія, и даже его наивные рохотки пера должны представлять для исторіографа литературы по меньшей мѣрѣ біографическій интересъ.

Что же мы находимъ въ новомъ сборникѣ? Отмѣтимъ и на этотъ разъ то что мы уже отмѣчали прежде—здоровый или, какъ тогда сказали, «безобидный» юморъ, ибо въ нашъ ультра-пессимистическій вѣкъ приходится подчеркивать и эту, конечно, не особенно высокую, литературскую добродѣтель.

Люди нашего времени, въ самомъ дѣлѣ, совсемъ не умѣютъ смѣяться: на это всѣ теперь жаждутся, и жалуются справедливо. Мы, въ самомъ дѣлѣ, чересчуръ серьезны, угрюмы, меланхоличны, слишкомъ проникнуты сознаниемъ «горечи бытія и безумія желаній». Освѣжающая шутка, безобидный юморъ, тонкая прощелка, — все это въ современной литературѣ—большая рѣдкость. Теперь помнится много вещей «унылыхъ», или, по крайней мѣрѣ, «меланхолическихъ», еще болѣе «баллада съ тенденціей». Но беззаветнаго веселья, задорнаго смѣха, тонкой и граціозной шутки въ современной литературѣ мало.

Тѣмъ пріятнѣе отмѣтить и во второмъ томикѣ разказовъ г. Чехова, уже гораздо болѣе задумчивомъ и меланхоличномъ, присутствіе той же освѣжающей стихіи здороваго и бодрого веселья.

Изъ сорока семи разказовъ, вошедшихъ въ составъ сборника, добрая половина отличается именно такимъ характеромъ. Поэтому, взявъ книжку г. Чехова въ минуты тоски и «крушенія духа» будетъ, можетъ-быть, и не бесполезно.

Прочтите, напримѣръ, его вросечный разказикъ (разказы въ сборникѣ, впрочемъ, всѣ вообще невелики):

Лошадиная фамилия. Фабула незамысловата и даже не нова. Комизм несколько грубоват и тяжеловат. Но иной читатель посмеется искренно. У генерала заболели зубы. Конторщик советует ему обратиться телеграммой к знахарю, который успешно „заговаривает зубы“. Но фамилия его, к сожалѣнію, онъ не помнитъ, а помнить только что фамилия — „лошадиная“. И вотъ начинаются догадки... Фамилия, наконецъ, отыскивается и, конечно, совсѣмъ не — „лошадиная“: *Овсоев!*

Или вотъ еще разказъ: Канитель. Старый дьячокъ записываетъ, под диктовку крестьянки, на двѣ различные записочки, имена — однихъ „за здравіе“, другихъ „за упокой“. Дѣло, однако, никакъ не можетъ наладиться, по той простой причинѣ что крестьянка и сама толкомъ не знаетъ кого писать за здравіе, кого за упокой.

— Ну пиши... вонъ Захара... Какъ пошелъ на службу въ четвертомъ году, такъ съ той поры и не слышать...

— Стало быть, онъ померъ?

— А кто жъ его знаетъ! Можетъ, померъ, а можетъ и живъ... Ты пиши...

— Куда жъ я его запишу? Если, скажемъ, померъ, то за упокой, коли живъ, то о здравіи. . Пойми вотъ вашего брата.

— Гм... Ты, родименькій, его на обѣ записочки запиши, а тамъ видно будетъ. Да ему все равно, какъ его не записывай: непутящій человекъ... пропащій... Записалъ? Таперь за упокой Марка, Левонтія, Арину... ну, и Кузьму съ Анной... Болящую Федосью...

— Болящую-то Федосью за упокой? Тю!

— Это меня-то за упокой? Ошалеешь что ли?

— Тѣу. Ты, дочерышка, меня запутала! Не померла еще, такъ и

говори что не померла, а нечего въ заупокой лѣзть. Путаешь тутъ. Изволь вотъ теперь Федосью хѣрить и въ другое мѣсто писать.. всю бумагу изгадилъ. Ну, слушай, я тебя прочту...

Вотъ ужъ поистинѣ „канитель“; но канитель совсѣмъ „безобидная“ и забавная.

Въ разказѣ: Мыслитель (имѣется сборникъ) два пріятели, штатный смотритель уѣзднаго училища и смотритель тюрьмы, разсуждаютъ за рюмкой водки о высокихъ матеріяхъ. Одинъ высказывается за науку, а другой *противъ* нея. Дѣло начинается со знаковъ препинанія, съ которыми смотритель тюрьмы никакъ не можетъ совладать.

— Ужъ это вы оставьте! Никакого значенія не имѣютъ ваши знаки. Одно только мудрованіе... Наставить десятокъ запятыхъ въ одной строчкѣ и думать что онъ умный. Напримѣръ, товарищъ прокурора Мерсиновъ послѣ каждаго слова запятую ставитъ. Для чего не это? Милостивый государь — запятая, послѣдній тюрему такого то числа — запятая, я замѣтилъ — запятая, что арестанты — запятая.. тѣу! Въ глазахъ рабѣть. Да и въ книгахъ то же самое... Точка съ запятой, двоеточіе, кавычки разные... Противно читать даже! А иной ерантъ, мало ему одной точки, возьметъ и натыкаетъ ихъ цѣлымъ рядъ... Для чего это?

— Наука того требуетъ!.. — вздыхаетъ Пимовъ (смотритель училища).

— Наука!.. Умопомраченіе, а не наука!.. Для еорсу выдумали... Пыль въ глаза пущать... Напримѣръ, ни въ одномъ иностранномъ языкѣ нѣтъ этого *лѣтѣ*, а въ Россіи есть... Для чего онъ, спрашивается? Напиши ты хлѣбъ съ ятемъ или безъ ятѣ, нешто не все равно?..

Тѣмъ же тономъ безобиднаго юмора проининуты, напримѣръ, разказы:

3
Нашимъ, Неосторожность, Ворона и
многіе другіе.

II.

Однако, за этимъ смѣхомъ въ новомъ томѣ разказовъ г. Чехова уже чаще и яснѣе слышится горечь сожалѣнія и досады на нашу, сплошь и рядомъ, жалкую и пошлую дѣйствительность. Одинъ изъ персонажей г. Чехова, въ состояніи остраго раздраженія на дождь и слякоть, по которой волей-неволей ему приходится тащиться „по дѣламъ службы“, говоритъ (223):

„Вѣдь такая подлость!.. Не то что цивилизація и гуманности,—даже климата порядочнаго нѣтъ. Страна, нечего сказать, Европа тоже, подумаешь!..“

Изъ-за раскатовъ безобиднаго смѣха, въ новомъ томикѣ разказовъ г. Чехова все чаще и чаще слышится именно такая, пессимистическая, и притомъ, такъ сказать, русско-пессимистическая жалоба на всѣхъ и на все: „Европа тоже, подумаешь!“ Здѣсь ясно даетъ себя чувствовать какой-то какъ бы переходъ въ настроеніи художника, поворотъ къ настроенію жизнеразличному. Пошлость и разнообразныя недуги нашего общественнаго сознанія замѣтно уже начинаютъ его раздражать, точно бы это его личные враги. Все чаще и чаще онъ становится хмуръ и угрюмъ. Нѣкоторые разказы проникнуты такимъ душою щемлящимъ настроеніемъ что иногда кажется будто предъ тобою страница романа Достоевскаго. Типъ человека „униженнаго и оскорбленнаго“ здѣсь встрѣчается довольно часто. Униженныхъ и оскорбленныхъ предъ нами здѣсь цѣлая галлерея.

Вотъ, на примѣръ, Французъ Шампунъ (въ разказѣ На чужбинѣ), яркая жертва остаткомъ бываго помѣщичьяго произвола: и уйти ему, бѣдному, некуда, и жить невозможно. „Оста-

вить васъ для меня такъ же тяжело какъ и умереть“, говоритъ онъ своему благодѣтелю-тирану, „но каждое ваше слово рѣжетъ мнѣ сердце“...

А тотъ его успокоиваетъ и утѣшаетъ:

„— Ахъ, чудакъ! Если я Французъ ругаю, такъ вамъ-то съ какой стати обижаться? Чудакъ, право! Берите примѣръ вотъ съ Лазаря Исаича, арендатора... Я его и такъ, и этакъ: и жидомъ, и прахомъ, и свинячье ухо изъ полы дѣлаю, и за пейсы хватаю... не обижается же!..“

Хорошо утѣшеніе,—нечего сказать!

Новую разновидность „униженныхъ и оскорбленныхъ“ представляетъ парій изъ міра чиновниковъ, въ разказѣ: Смерть чиновника. Бѣдному маленькому чиновнику выпало большое счастье сидѣть на спектаклѣ по близости отъ его превосходительства, своего начальника, и, къ великому своему горю, какъ-то и чѣмъ-то его обезкоконть. Онъ извинился разъ, другой и, такъ какъ ему все казалось что его превосходительство продолжаютъ гнѣзаться, то онъ пришелъ къ нему и въ третій разъ извиняться. Но его превосходительство вышелъ изъ терпѣнія и наградили его такимъ суровымъ окрикомъ что чиновникъ, придя домой, померъ...

Еще примѣръ: портной вродѣ Петровича изъ Шинели Гоголя (въ разказѣ: Капитанскій мундиръ). Онъ пьетъ и совсѣмъ спился. Если что въ немъ еще живо, то это единственно воспоминаше о прошломъ,—о томъ золотомъ времени когда онъ работалъ на „хорошихъ господахъ“. И вдругъ это время возвращается. Къ нему приходитъ капитанъ и дѣлаетъ заказъ. Заказъ сдѣланъ въ долгъ. На матерію пошли деньги вырученныя женой портнаго отъ продажи коровы. Капитанъ не заплатилъ,—кормить его сначала обѣщаніями отдать „завтра“, а потомъ

4
прямо выталкивать и даже оскорблять „действием“. Но дублировать Петровича этим отнюдь не оскорбляется и даже не унывает. Напротив, все это он считает со стороны капитана признаком истинного благородства и радъ, хоть при таких условиях, иметь обращение съ „хорошими людьми“...

Правда, верный своему основному повитическому мотиву, г. Чеховъ обыкновенно набрасывает на свое изображение людей унижаемых и оскорбляемых по кривало шутки и юмора, такъ что въ его творчествѣ действительно

Сквозь слезы миръ порой смѣется...

Но все же, даже въ самыхъ совершенныхъ въ этомъ отношеніи разказахъ, каковъ, напримѣръ, граціозный разказъ Шуточка, въ общемъ итогѣ остается тревожный вопросъ: зачѣмъ, хотя бы и въ шутку, доставлять другому человеку поводъ къ напраснымъ страданіямъ и сожалѣніямъ о невозможномъ?

Молодой человекъ „въ шутку“ шепталъ дѣвушка слова любви, которыми не придавалъ значенія. Отсюда въ ея юномъ сердечкѣ родилась сначала надежда, скоро затѣвъ перешедшая въ разочарованіе и тяжелое горе, которое лишь съ годами, и лишь отчасти, затнулось новыми впечатлѣніями... Зачѣмъ это страданіе? Зачѣмъ эта игра съ чужою душой? Кто даетъ человеку на это право?

III.

Кромѣ этихъ обычныхъ и обычных спутниковъ человеческой жизни, — ея комизма и незамѣтнаго, но неутомимаго вседневнаго трагизма, — въ разказахъ г. Чехова выступаютъ, такъ — сказать, специально — русскіе нравственные недуги. Изъ нихъ особенно два: *холодность* предъ слабыми

и придавленное, а потому часто ненормально — направленное, иногда доходящее до вопиющаго житейскаго абсурда, чувство и требованіе законности.

Особенно ярко выставлена г. Чеховымъ первая черта, — крикучее, воспитанное жгнати сложенныхъ строгихъ житейскихъ отношеній, холодною безличнаго русскаго человека.

Въ разказѣ Хамелеонъ мастерски воспроизведенъ сѣтшій, и въ то же время необычайно грустный, выходя изъ жизни одного заолустнаго городка. Собачка обидѣла мастерового, а мастеровой ее. Поднялась суматоха. Въ дѣло вѣшался полицейскій надзиратель. Сначала онъ былъ за мастерового и обрушился потокомъ угрозъ противъ предполагаемаго хозяина собачки:

— Гм... Хорошо!... говорить Очумиловъ (полицейскій надзиратель) строго, камлал и пелел бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого такъ не оставлю. Я покажу вамъ какъ собакъ распускать. Пора обратить вниманіе на подобныхъ господъ, нежелающихъ подчиняться постановленіямъ. Какъ оштрафовать его, перекладъ, такъ онъ узнаетъ у меня что значить собака и прочій бродячій скотъ. Я ему покажу Кузькину мать... Едырниъ, — обращается надзиратель къ городовому, — узнай чья эта собака, и составь протоколъ. А собаку истребить надо. Немедли. Она матерное бѣшеная..."

Но вотъ Очумиловъ узнаетъ что собачка принадлежитъ генералу, и тогда — куда дѣвалось его служебное расіе! Онъ немедленно приказываетъ городовому отвезти собаку по принадлежности, а мастеровой остается въ виноватыхъ:

— Ты отнеси ее въ генералу и спросишь такъ. Скажешь что я изъ

нось и прислать... И скажи чтобъ ее не выпускали на улицу... Она, может-быть, дорогая, а ежель каждый вечеръ будетъ ей въ нощь сигарной тухнуть, то долго ли испортить. Собака нѣжная тварь... А ты, болванъ (настеровой), опусти руку. Нечего свой дурацкій палецъ выстав-лять. Самъ виноватъ..."

Еще прииѣръ. Мѣстный донекій тузъ (въ разказѣ *Маски*), на балъ-наскарадѣ устраиваетъ въ клубѣ дебошъ. На него набрасываются и гости, и члены клуба, и старшины. Но вотъ онъ снимаетъ маску, и всѣ не только охотно ему извиняють его, дѣйстви-тельно nepoзвoлительное, дебошар-ство, но даже предъ нимъ же заиски-ваютъ, — какъ бы не оказаться въ виноватыхъ.

Подобный же мотивъ, и не менѣе рельезно, выступаетъ предъ нами, наприѣръ, въ разказѣ отставнаго коллежскаго регистратора (*Торжественное похоронение*) о томъ какъ чиновникъ, выбравшійся въ большіе чины, ло-мается надъ своими прежними сослу-жниками и даже начальниками, — ло-мается до того что у себя на бли-нахъ заставляетъ ихъ бѣгать въ пе-регонки вокругъ стола, даже вѣтъ ку на-рену...

Но если таковы образы холоп-ство, чувство добровольнаго униже-нія, является, во изображеніи г. Че-хова, одною изъ довольно общихъ тѣсныхъ особенностей Русскаго че-ловѣка, то, съ другой стороны, какъ бы въ противоязъ ему. Онъ указы-ваетъ на глубоко-вкорененное въ со-знаніи Русскаго чувство законности. Русскій человѣкъ до того увѣренъ что все должно идти „по закону“. что, когда по закону идетъ не все, то онъ готовъ даже превысить власть, принять на себя не принадлежащее ему наблюдение за исполненіемъ за-кона, какъ онъ это въ дѣлѣхъ слу-

чай понимаетъ, иногда съ неспріятно-стями и рискомъ, — лишь бы только все шло „по закону“.

Таковъ у г. Чехова *Унтеръ При-шибеевъ*, — чрезвычайно яркій и ха-рактерный типъ. Унтеру хочется, во что бы то ни стало, уставить у себя въ деревнѣ надлежащіе порядки, — чтобы люди во-время ложились, не сидѣли долго по ночамъ съ огнемъ, не пѣли пѣсень въ непозванное время, жили правдиво, не произ-водили уличныхъ дебошей и т. д. Въ концѣ концовъ, одностѣпчанамъ унтера все это надоѣло, и вотъ, за одно вышестельство съ его стороны, они привлекли его къ судебной от-вѣтственности у мирового. Унтеръ, конечно, вполне сознавалъ себя пра-вымъ и въ этомъ смыслѣ держалъ къ суду дѣнную и весьма характерную защитительную рѣчь:

„— Ваше высочордіе, господиъ мировой судья. Стало быть, по всѣмъ статьямъ закона выходитъ причина аттестовать данное обстоятельство во взаимности. Виноватъ не я, а всѣ прочіе. Все это дѣло вышло изъ за-дарствіе ему небесное, мертзаго трупа. Иду это я третьяго числа съ женой Аноисой тихо, благородно, смотрю — стоитъ на берегу куча раз-паго народа людей. По закону пол-ному праву тутъ народъ собрался? — спрашиваю. Зачѣмъ? *Нешто ѡ за-конѣ сказано чтоль народъ табуномъ ходилъ?* Кричу: разоидись! Сталъ рас-талкивать народъ, чтобы расходи-лись по домамъ, приказалъ сотскому гнать въ зашей...“

Унтера, конечно, обвинили. Но онъ, такъ сказать, не отнесъ этого обвиненія къ себѣ и, когда, выйдя отъ мирового, увидалъ у прѣльца толпу, закричалъ, по привычкѣ къ моряду и законности:

„— Народъ, расходись! Не тол-песи! По домамъ!...“

Въ разказѣ: *Изъ ома да въ моамма* тотъ же мотивъ,—то же требованіе законности, осложненное върою что, если не въ одной судебной инстанціи, такъ въ другой, законъ долженъ же быть въ концѣ концовъ возстановленъ. Регентъ оскорбилъ своего пѣвчаго. Тотъ возбудилъ дѣло, и адвокатъ, чтобы загасить дѣло, уговорилъ регента извиниться при компаніи. Регентъ извинился. Но тутъ же, когда бесѣда приняла дружескій характеръ, регентъ заявилъ что извинился — то онъ собственно „такъ“, чтобы дѣло прикончить, а въ сущности, „сжали я тебя обозвалъ свиньей, такъ ты и есть свинья“... Новое дѣло. На судѣ у мирового регентъ былъ обвиненъ. Но онъ былъ такъ увѣренъ въ своей правотѣ что тутъ же заявилъ что, коли такъ, онъ и правый судъ найдеть и скрѣпилъ свое добавленіе въскою добавкой: „иначе, гдѣ, на одно жалованье не проживешь“. Закипѣло новое дѣло „объ оскорбленіи судьи“. Регентъ продолжалъ оставаться въ увѣренности что онъ правъ и законъ за него... И такъ все даѣе и даѣе, отъ одной инстанціи къ другой, въ неустанныхъ поискахъ „суда праваго“.

Конечно, пониманіе своей правоты и законности у регента было очень своеобразно. Но это ошибка по формѣ, а не по существу. По существу же здѣсь, во всякомъ случаѣ, очень характерна непоколебимая вѣра Русскаго человека что долженъ быть, и непремѣнно есть гдѣ-то, судъ правый, возстановляющій требованіе законности.

IV.

Указанными чертами, однако, не исчерпывается психологія Русскаго человека, но изображенію г. Чехова. Комичныя жести, угнетеніе слабыхъ сильными, цинизмъ и холо-

ство, требованіе законности, столь часто попраемой,—все это далеко не полно выражаетъ стили сложной русской натуры и жизни. Остаются еще въ ней какал-то неукротимая удаля, разчитанный на необъятную ширь ровныхъ рукъ, какіе-то высокіе идеалистическіе порывы, хотя и проваливающіеся часто въ несоответственной оболочкѣ. Мотивы религиозныя здѣсь сливаются съ эстетическими и вызываютъ неистовое въ другихъ случаяхъ напряженіе воли.

Таковы, при своей безалаберности, у г. Чехова Сережка или Сергій Никитичъ, въ разказѣ *Художество*. Малый смышленный, „образованный“ по малярной и столярной части, обладающій природнымъ чутьемъ изящнаго, хотя въ то же время до неистовости дѣланный и крайне самолюбивый. Сережка разъ въ годъ получаетъ въ своемъ селѣ выдающееся, можно сказать исключительное, значеніе: онъ „строитъ Іорданъ“, то есть, точнѣе говоря, руководитъ ея постройкой, ибо самъ онъ, по своей глѣн, работаетъ очень мало, предоставляя все черновое дѣло старому Матѣю, церковному сторожу. Образъ Сережки, этого деревенскаго „художника“, при всей его угловатости, чрезвычайно ярокъ и какъ бы одухотворенъ,—одухотворенъ движущимъ идеей послужить общему, святому и священному дѣлу, торжеству церковному.

„Сережка“,—пишетъ г. Чеховъ,—„самъ по себѣ ничтожество, глѣтай, пьянчуга и лодъ; но когда онъ съ сурникомъ, или циркулемъ въ рукахъ, то онъ уже нѣчто высшее,—Божій слуга.“

Очень картинно и прокиновенно изображенъ у г. Чехова einmalъ Сергеевичъ художественныхъ помысловъ:

„Настаетъ крещенское утро. Цер-

кован ограда и оба берега на далекомъ пространствѣ кинуться народомъ. Все что составляетъ Иорданъ старательно скрыто подъ новыми рогонами. Сережа нѣрво ходитъ около роговъ и старается побороть пошлость. Онъ видитъ тысяча паромъ: тутъ много и изъ чужихъ приходило; все эти люди въ морозъ, по снѣгу, прошли на мало верстъ нѣшнему только за тѣмъ чтобы увидѣть его знаменитую Иордань.

„Наверху раздается благовѣстъ... Тысячи головъ обнажаются, движутся тысячи рукъ,—тысячи крестныхъ знаменій.

„И Сережа не знаетъ куда дѣваться отъ нетерпѣнія. Но вотъ, наконецъ, звонитъ къ Достоинству, за гѣмъ, полчася спусти, на колокольцѣ и въ толпѣ замѣтно какое-то волненіе. Изъ церкви одну за другою выносятъ хоругви, раздается бѣжій, снѣжащій звонъ. Сережа дрожащею рукою сдерживаетъ рогоны... и народъ видитъ нѣчто необычайное. Англою, деревянный кругъ, который в крестъ на лѣду переливаются пѣвчички красокъ. Крестъ и голубъ выпускаютъ изъ себя такіе лучи что смотрѣть больно... Боже милостивый, какъ хорошо! Въ толпѣ пробивается гулъ удивленія и восторга; трепетъ дѣлается еще громче, день еще ярче. Хоругви колыхаются и движутся какъ толпой, точно по волнамъ. Крестный ходъ, сіяя ризами мѣся и духовности, медленно спускается внизъ по дорогѣ и направляется къ Иордану. Махнутъ колоколами, такъ чтобы такъ перестали звонить, и водосвятіе начинается. Служитъ долго, медленно, видимо стараясь продлить торжество и радость общей народной молитвы. Тамъ она.

„Но вотъ погружаютъ крестъ, и воздухъ оглашается необычайными гуломъ. Пѣлаба въ ружьи,

трепетомъ, громкимъ выраженіемъ восторга, крики и дава въ погонѣ за колокольцами. Сережа прислушивается къ этому гулу, видитъ тысячи устремленныхъ на него взглядовъ, и душа глѣтѣя наполняется чувствомъ славы и торжества“...

Прекрасная картина! Вотъ гдѣ видишь подлинную Русскую человѣка въ его интимнѣйшихъ стремленіяхъ и интересахъ, предъ которыми со всѣмъ забываешь объ его грѣхахъ и болѣзняхъ, какъ о чемъ-то наивномъ, что могло бы отвѣсть, слабымъ духовнымъ руководителямъ народа и въ частности „писателя“ помогали торжеству въ Русскомъ человѣкѣ много этихъ, возвышающихъ его стихій жизни...

Таковы основныя ноты записаны въ новомъ сборникѣ романовъ г. Чехова. Намъ остается только сказать что несомнѣнно великий художникъ, уже и въ „пробѣхъ вера“ обнаруживающій и чувствъ къ стихіямъ Русской жизни, и способность воссоздавать ее въ яркомъ и пластичномъ образѣ, — что такой, говоритъ, художникъ такъ долго не переходилъ (да въ сущности и теперь не перемалъ) къ воссозданію болѣе широкихъ картинъ жизни, осязательныхъ болѣе общины, болѣе объемистыми и глубокими идеями. Его всѣмъ интересны, но... если бы не въ немъ не было подлинно имени г. Чехова, то всегда можно было бы сказать съ несомнѣтельностью что они принадлежатъ именно его перу: они, такъ сказать, не въ нѣру его таланта. Это во всякомъ случаѣ явленіе почальное. Несомнѣнно что оно имеетъ свои причины, о которыхъ мы надѣемся поговорить при появленіи будущаго томикова произведенія г. Чехова.

А. ВАСАРТИНЪ.

(А. И. Введенскій)